

РУКОВОДСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО ЦЕНТРА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (ЕНРАС) ПО ВЕДЕНИЮ В СУДАХ ДЕЛ О НАСИЛИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

«Домашнее и сексуальное насилие»

Подготовлено и представлено Европейским центром защиты прав человека (ЕНРАС), Мидлсекский университет, Лондон,

Обновлено: декабрь 2023 г.

Middlesex
University
London

Предисловие

Насилие в отношении женщин является широко распространенным явлением и приводит к грубейшим нарушениям прав человека, включая причинение физического, психологического, сексуального, социального и экономического ущерба. Такое насилие глубоко коренится в социальных и культурных ценностях, структурах и традициях. Ведение дел о насилии в отношении женщин на международном уровне – сложный вопрос, включающий участие частных субъектов и требующий знания органов власти. Кроме того, в основе данного явления всегда лежит многоуровневая дискриминация по признаку пола, а зачастую и перекрестная дискриминация. Настоящее руководство призвано помочь юристам в изложении этих юридических аргументов на международном уровне.

Руководство рассматривает контексты домашнего и сексуального насилия и предназначено для практиков, имеющих определенный опыт ведения данной категории дел и/или опыт ведения дел на международном уровне. Данное руководство содержит рекомендации по составлению конкретных элементов основных юридических аргументов, которые, вероятно, лягут в основу многих подобных дел. Руководство ни в коем случае не является исчерпывающим и не затрагивает конкретные факты какого-либо дела или положения национального законодательства. Основное внимание уделяется практике Европейского суда по правам человека (далее – «Суд») и нарушениям в рамках Конвенции. Вместе с тем руководство содержит ссылки на стандарты, разработанные Комитетом Организации Объединенных Наций по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – «КЛДЖ»), а также другими международными органами и конвенциями.

В части аспектов ведения судебных дел, которые не охватываются данным руководством, полезными могут быть следующие материалы: практические советы относительно обращения в Европейский суд по правам человека Вы можете найти в [«Часто задаваемые вопросы при подаче жалоб в ЕСПЧ»](#); для помощи в вопросе получения свидетельских показаний ознакомьтесь с [«Письменные показания свидетелей при ведении дел в рамках международного права в области прав человека: руководство по составлению»](#); а руководство по обращению в КЛДЖ смотрите в нашем ресурсе [«Обращение в КЛДЖ ООН и к Специальному докладчику ООН по вопросу о насилии в отношении женщин»](#). В ситуациях, когда требуется срочная защита от неминуемой угрозы причинения серьезного вреда, может быть целесообразно обратиться в Суд с просьбой о предоставлении предварительных судебных мер на основании Правила 39 Регламента Суда. Смотрите наше руководство [«Просьбы о предоставлении предварительных судебных мер в Европейском суде по правам человека»](#). Информацию о дополнительных ресурсах относительно соответствующих стандартов в сфере ведения дел о насилии в отношении женщин Вы сможете найти в разделе «Полезные ресурсы» на стр. 23 настоящего руководства. Примечание: в любом судебном процессе по вопросу о насилии в отношении женщин важно учитывать аспекты вторичной травматизации, защиты, безопасности, конфиденциальности и анонимности в отношении заявительницы, ее семьи и свидетелей.¹

Данное руководство написано Джессикой Гаврон, содиректором EHRAC². Руководство основано на письменных замечаниях, подготовленных EHRAC совместно с организацией «Равенство сейчас» (Equality Now), по делу *«Курт против Австрии»* [Большая Палата], № [62903/15](#), а также на письменных замечаниях, подготовленных EHRAC совместно с организацией «Равенство сейчас» (Equality Now) и Фондом в защиту равных прав (Equal Rights Trust), по делу *«Т.В. против России»*, № [31323/19](#). Дела касаются домашнего насилия и изнасилования в браке. Мы благодарим Кейт Левин, Дарьяну Грязнову и Софию Рома из EHRAC, Тамар Деканосидзе и Александру Пацалидес из организации «Равенство сейчас», а также Ариан Адам из Фонда в защиту равных прав за их вклад в данную публикацию.

Содержание

В настоящем руководстве рассматриваются некоторые из сложных юридических аргументов, которые можно выдвигать в заявлениях о самых серьезных нарушениях прав человека, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека (далее – «Конвенция»): право на жизнь (статья 2), право на свободу от пыток и унижающего достоинство обращения (статья 3) и право не подвергаться дискриминации (статья 14). В частности, руководство предоставляет рекомендации и анализ по следующим вопросам:

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ	4
Оценка «реальной и непосредственной» угрозы («тест Османа»), применяемая Судом	5
Применение критерия «реальности и непосредственности» в контексте домашнего насилия	6
Трактовка предполагаемой осведомленности и должной осмотрительности в контексте домашнего насилия	8
СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ	11
Требование определять изнасилование на основании принципа согласия	12
Трактовка принципа согласия в ситуациях уязвимости, включая в ситуациях домашнего насилия	13
Необходимость введения уголовной ответственности за изнасилование в браке и определения его как отягчающего обстоятельства	14
Необходимость обеспечить преследование <i>ex officio</i> /в публичном порядке по делам о домашнем насилии, изнасиловании и иных преступлениях, связанных с сексуальным насилием	15
Дискриминация	17
Необходимость рассматривать заявления о домашнем насилии и изнасиловании как дискриминацию в соответствии со статьей 14 Конвенции	18
Позитивные обязательства по статье 14 во взаимосвязи с положениями статей 2 и 3 Конвенции	19
Важность выявления гендерных стереотипов и борьбы с ними	23
Избегание повторной виктимизации	24
Вывод & полезные ресурсы	26

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ГОСУДАРСТВ ЗА
НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 2
И 3 КОНВЕНЦИИ**

1. Домашнее насилие – это глобальное явление, затрагивающее 30% женщин. Оно является одним из основных источников унижения, насилия и смерти во всем мире; его масштабы примерно сопоставимы со всеми убийствами и злодеяниями, совершенными в ходе вооруженных конфликтов.³ Данное явление включает в себя распространенные модели поведения в целях контроля, запугивания и унижения, часто развивающиеся по нарастающей с известными триггерами. Поэтому домашнее насилие отличается от любого другого ситуативного насилия и требует контекстуального понимания его динамики и признания целенаправленного паттерна поведения и воздействия, а не серии изолированных действий.
2. Согласно сложившейся практике, статья 2 Конвенции требует, чтобы государство не только воздерживалось от умышленного и незаконного лишения жизни, но и принимало меры по обеспечению безопасности жизни тех лиц, которые находятся под его юрисдикцией. Для этого необходимо ввести в действие эффективные положения уголовного законодательства для сдерживания совершения преступлений. Эти положения должны поддерживаться эффективными правоохранительными механизмами для предотвращения, расследования преследования подобных нарушений. Для возникновения у государства обязанности исполнять свои позитивные обязательства по предотвращению рисков для жизни, исходящих от негосударственных субъектов (как это обычно бывает в случаях домашнего и сексуального насилия), государство должно знать о наличии угрозы для жизни. Чтобы оценить это, Суд сформулировал тест *Османа*, требующий, чтобы власти «знали или должны были знать о существовании реальной и непосредственной опасности для жизни определенного лица или лиц, исходящей от преступных действий третьих лиц, и приняли ли они какие-либо разумные меры в рамках своих полномочий, необходимые для устранения данного риска».⁴ Суд также применяет данный тест к позитивному обязательству государства защищать граждан в соответствии со статьей 3 Конвенции (с необходимыми изменениями).⁵
3. В ситуациях домашнего насилия данный тест обычно требует наличия как минимум одной, а, в идеале, нескольких жалоб на домашнее насилие, о которых власти были осведомлены. Тест Османа не был разработан специально для ситуации домашнего насилия⁶ и не обязательно подходит для контекста, в котором вред и риск причинения вреда является продолжающимся и постоянным и во многих случаях не всегда четко сформулирован как конкретная угроза. Поэтому полезно подчеркнуть гибкость, с которой Суд применяет этот тест и особенно интерпретацию Судом критериев «реальности» и «непосредственности» опасности в различных ситуациях (соответствующий анализ приведен ниже).

Оценка «реальной и непосредственной» угрозы («тест Османа»), применяемая Судом

4. С самого начала Суд увязал данный тест с конкретной ситуацией, постановив, что «ответить на этот вопрос возможно исключительно в свете всех обстоятельств конкретного дела».⁷ При рассмотрении практики применения теста становится также понятно, что Суд часто использует гибкий, учитывающий конкретные обстоятельства дела подход к ключевым элементам теста: «знал или должен был знать», «реальная и непосредственная», а также «определенное лицо или лица».
«РЕАЛЬНАЯ И НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ»
5. Позитивное обязательство государства в рамках статьи 2 Суд применял и толковал в различных ситуациях. Интерпретация «реальности и непосредственности» варьируется в зависимости от характера дела, и неясно, рассматриваются ли в каждом деле реальность и непосредственность как два отдельных критерия. В деле «*Майорано и другие против Италии*»⁸ Суд постановил, что государство нарушило свои позитивные обязательства в материально-правовом аспекте статьи 2, поскольку не сумело должным образом оценить потенциальную угрозу при наличии тревожных сигналов, которую представлял осужденный, получивший разрешение на кратковременный выход за пределы пенитенциарного учреждения. В делах «*Сашо Горгиев против Бывшей Югославской Республики Македония*»⁹ и «*Горовенки и Бугара против Украины*»

¹⁰речь идет о стрельбе со смертельным исходом, совершенной полицейскими с использованием служебного оружия во внеслужебное время или с превышением своих служебных полномочий. В обоих делах позитивное обязательство государства было обусловлено требованием регламентировать и предоставлять защиту от неизбежного риска для жизни (неопределенных лиц), связанного с предоставлением служебного оружия сотрудникам правоохранительных органов (путем регулирования вопросов владения, использования и хранения такого оружия). В деле *«Махмут Кайя против Турции»*¹¹ Суд установил, что г-н Кайя, врач, подозреваемый в содействии и пособничестве Рабочей партии Курдистана, подвергался особому риску стать жертвой незаконного нападения (со стороны неустановленных лиц), который при сложившихся обстоятельствах мог рассматриваться как реальный и непосредственный. Оценка данного риска основывалась Судом скорее на ситуации, характерной для юго-восточной части Турции в то время, а не на каких-либо заявлениях об угрозе. В деле *«Блякай и другие против Хорватии»*¹² Суд постановил, что признаки психической нестабильности и суицидальных мыслей (подтвержденные показаниями свидетелей, но не оцененные медицинскими работниками) у мужчины, совершавшего домашнее насилие, были достаточными для того, чтобы утверждать о реальности и непосредственности угрозы для жизни несмотря на то, что он не высказывал конкретных угроз. Сотрудники полиции, дважды общавшиеся с ним утром в день нападения, обязаны были действовать с должной осмотрительностью для защиты широкого круга лиц. Органы власти были признаны ответственными за то, что не смогли защитить жертву – адвоката, представляющую интересы жены преступника в бракоразводном процессе, – которая была убита тем же утром позднее в своем офисе; угроз в ее сторону не поступало и не было индикаторов риска. В деле *«Кайяк против Турции»*¹³, которое касалось непредсказуемого убийства ребенка в школе, власти были признаны ответственными на том основании, что на органах образования лежит общая обязанность обеспечить безопасность и благополучие детей, находящихся под их присмотром.

6. Примечательно, что ни в одном из приведенных выше дел не было сообщений о наличии конкретной угрозы, которые позволили бы идентифицировать либо жертву, либо место совершения преступления, а также способ причинения вреда, кроме случаев, когда угроза исходила от владения огнестрельным оружием. За исключением дела Кайя, в котором определенный контекст был решающим, в остальных упомянутых делах угроза, в ответ на которую власти должны были предпринять превентивные меры, была основана на непредсказуемом поведении человека в отношении неизвестных целей. Более того, ни в одном из этих дел не было отдельных доказательств конкретной «неизбежности». Похоже, что соблюдение данного критерия было связано с «реальностью» угрозы, означавшей значительную вероятность материализации риска в случае, если не будут приняты превентивные меры.
7. В своей практике Суд не установил четкие временные рамки для «непосредственности» угрозы, и во многих случаях угроза презюмируется как реальная и непосредственная, как только она материализовалась и продолжает существовать. Такой подход применялся Судом в упомянутых выше делах, а также в деле *«Онерыйлдииз против Турции»*,¹⁴ в котором государство было признано нарушившим свои позитивные обязательства по принятию превентивных мер для защиты жителей близлежащих трущоб от опасностей для здоровья и жизни, создаваемых муниципальным мусороперерабатывающим предприятием. Несмотря на то, что между отчетом, предупреждавшим об опасности, 7 мая 1991 г. и ее реализацией 28 апреля 1993 г., прошло почти два года, тем не менее данный риск был признан Судом *«реальным и непосредственным»* на протяжении всего этого периода, поскольку он был выявлен и продолжал существовать.

Применение критерия «реальности и непосредственности» в контексте домашнего насилия

8. Суд постановил, что риск существования «реальной и непосредственной» угрозы должен оцениваться, принимая во внимание особый контекст домашнего насилия и, прежде всего, повторение последовательных эпизодов насилия в семье.¹⁵ Для этого требуется применение гендерно-чувствительного подхода, сформулированного Судом недавно в деле *«Володина против*

России»: «борьба с существующим гендерным неравенством требует гендерно-чувствительного толкования и применения положений Конвенции, которое учитывает фактическое неравенство между женщинами и мужчинами и то, как оно влияет на жизнь женщин».¹⁶

9. Суд также признал следующие конкретные особенности и требования относительно домашнего насилия:
 - а. эпизоды домашнего насилия должны рассматриваться как продолжающееся причинение вреда, а насилие в целом – как цепь взаимосвязанных между собой событий;¹⁷
 - б. общая уязвимость жертв домашнего насилия, а также тот факт, что они часто не сообщают о случаях применения насилия, требуют от государства более решительных мер реагирования;¹⁸
 - в. существует множество видов домашнего насилия, не все из которых приводят к физическим травмам (например, психологическое или экономическое насилие), и, следовательно, защитные меры не должны зависеть от тяжести полученных травм;¹⁹
 - г. особая осмотрительность необходима при рассмотрении дел о домашнем насилии, и особая природа домашнего насилия, признанная в Преамбуле к Стамбульской конвенции, должна быть принята во внимание в ходе производства по делам о домашнем насилии;²⁰
10. Поэтому важно опираться на практику Суда и обращать особое внимание на характерные особенности домашнего насилия. Домашнее насилие по своей природе отличается цикличностью, повторяется во времени и имеет тенденцию к развитию по нарастающей. Как отметил суд в деле *“Гайдукевич против Грузии”*, *“домашнее насилие редко бывает единичным инцидентом; обычно оно включает в себя совокупное и взаимосвязанное физическое, психологическое, сексуальное, эмоциональное, словесное и финансовое насилие над близким членом семьи или партнером, выходящее за рамки обстоятельств конкретного дела”*²². Следовательно, оно проявляется в рамках известных параметров, с известными рисками и факторами, провоцирующими ухудшение ситуации (включая злоупотребление наркотиками и алкоголем, расставание и развод). Насилие представляет собой целенаправленную модель поведения, направленную на установление контроля над жертвой. Оно повторяется со стороны одного и того же лица в отношении одной и той же жертвы, чему способствует полный доступ преступника к жертве и его информированность о ее повседневной жизни. Насилие часто происходит дома, поскольку это территория контроля и доступа. Однако именно доступность, а не местонахождение, является определяющим признаком места, в котором происходит насилие, о чем свидетельствуют рассмотренные Судом дела, в которых насилие со смертельным исходом имело место вне дома.²³
11. В большинстве дел о домашнем насилии потерпевшая в своем первом заявлении о преступлении указывает, что инциденты с применением насилия имели место и ранее. Другими словами, органы власти уже предупреждены, что это не единичный инцидент.²⁴ Суд справедливо акцентировал особое внимание на том, что при оценке риска отдельно заявленные инциденты необходимо рассматривать как непрерывное причинение вреда, несмотря на то, что они разделены во времени.²⁵ Тем не менее, Суд и национальные власти должны также признать, что часто уже из первого заявления органам власти явно известно (даже без особой должной осмотрительности, требующейся в таких случаях)²⁶ о том, что насилие не является единичным инцидентом. И на этом этапе необходимо провести оценку риска летального исхода.²⁷
12. Определение *«непосредственной опасности»*, данное в пояснительном докладе к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием («Стамбульская конвенция»), признает данный контекст: *«любые ситуации домашнего насилия, в которых причинение вреда является неизбежным или уже произошло и может повториться»*.²⁸ (выделение добавлено) Суд применил аналогичное толкование в деле *«Опуз против Турции»*²⁹ о домашнем насилии со смертельным исходом, в котором Суд постановил, что: *«при изучении истории отношений было очевидно, что преступник ранее совершал домашнее насилие, и, следовательно, существовал значительный риск дальнейшего применения насилия с его стороны»*, а также, что насилие следует рассматривать как цепь взаимосвязанных событий. Судья Пинто де Альбукерке вторит определению Стамбульской конвенции в своем замечании,

что «повторяющийся характер и развитие по нарастающей, присущие большинству дел о домашнем насилии, делают требование о соблюдении критерия непосредственности риска каким-то искусственным, даже пагубным. Хотя риск может и не являться неизбежным, когда он присутствует – это само по себе является серьезным риском».³⁰ Суд в деле «Тхелидзе против Грузии» продвинулся в этом вопросе еще дальше, подчеркнув, что «при наличии длительной ситуации домашнего насилия вряд ли могут быть какие-либо сомнения в непосредственной опасности, представляемой для жертвы».³¹

13. Толкование теста Османа, в котором контекст имеет решающее значение при оценке угрозы, не является чем-то новым для Суда; оно применялось в делах, где речь шла о событиях в юго-восточной Турции,³² и уже применялось в делах о домашнем насилии.³³ Суд также пришел к выводу, что тест Османа был удовлетворен на основании «реальности» риска (даже при отсутствии прямых угроз) в обстоятельствах, когда «непосредственность» угрозы не является ни конкретной, ни поддающейся определению.³⁴ В отличие от многих дел, в которых применялся тест Османа, в делах о домашнем насилии известно лицо, от которого исходят угрозы, и известна жертва или вероятные жертвы (включая, в частности детей жертвы),³⁵ а также гендерно-обусловленный мотив контролировать, запугать, наказать, отомстить. Можно утверждать, что, как только власти были уведомлены об эпизоде домашнего насилия, угроза причинения вреда «материализовалась и продолжается», поскольку существует большая вероятность повторного причинения вреда в случае, если не будут приняты превентивные меры.

Трактовка предполагаемой осведомленности и должной осмотрительности в контексте домашнего насилия

«ЗНАЛИ ИЛИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗНАТЬ»

14. Чтобы установить, «должны ли были знать» органы власти об угрозе жизни или здоровью, Суду должен учитывать не только информацию, о которой власти были уведомлены, но и то, что им следовало бы знать, прояви они должную осмотрительность, в частности о конкретных обстоятельствах и контексте дела.³⁶ Международные органы по защите прав человека, включая Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин,³⁷ Межамериканскую комиссию по правам человека, Механизм наблюдения за выполнением положений Межамериканской конвенции о предотвращении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него («Конвенции Белен-ду-Пара»)³⁸ и Специального докладчика ООН по вопросу о насилии в отношении женщин,³⁹ постоянно отмечают, что в тех случаях, когда государство не действует с должной осмотрительностью, чтобы предотвратить насилие в отношении женщин, в том числе со стороны частных лиц, действующих в частной сфере, или не расследует и наказывает за совершение подобного насилия, или не предоставляет компенсацию, государство может быть привлечено к международной ответственности за действия частных лиц.
15. Поэтому рассмотрение вопроса о должной осмотрительности имеет важнейшее значение в рамках любой оценки предполагаемой осведомленности. Для проведения такой оценки необходимо учитывать конкретную ситуацию, в которой происходило домашнее насилие, как указано выше, а также требование о проявлении должной осмотрительности при оперативном расследовании эпизода домашнего насилия и предоставлении защиты для жертвы.⁴⁰ В рамках любого расследования необходимо установить, есть ли: факты насилия в прошлом; ранее сообщенные инциденты; судимость виновного лица; владение, использование или наличие доступа к оружию; наличие детей; высказанные угрозы; а также доказательства наличия проблем с психическим здоровьем/зависимостей. Данные факты имеют значение для проведения оценки риска летального исхода.⁴¹ В этом смысле возможно частичное совпадение между фактами и доказательствами, на которых основываются аргументы в пользу нарушения материально-правового аспекта статей 2 или 3 и непринятия надлежащих следственных и защитных мер реагирования на более ранний инцидент, что само по себе приводит к нарушению статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.
16. Суд неоднократно приходил к заключению, что при рассмотрении дел о домашнем насилии требуется «особая осмотрительность» и что особый характер домашнего насилия должен приниматься во внимание в ходе разбирательства по таким делам на национальном уровне.⁴²

Кроме того, международные и региональные органы по защите прав человека признают, что неспособность государства действовать с должной осмотрительностью способствует формированию атмосферы безнаказанности:

- a. Общая рекомендация КЛДЖ № 35: *если государство-участник не принимает все необходимые меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам/пострадавшим, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин и поощряет их. Такие пассивность и бездействие представляют собой нарушение прав человека.*⁴³
 - b. Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках: *насилие в семье приравнивается к жестокому обращению или пыткам в тех случаях, когда государства попустительствуют запрещенному поведению, не обеспечивая защиту жертв, и запрещенным деяниям в частной сфере, о которых они знали или должны были знать ... Государства несут международную ответственность за пытки, когда они – в силу равнодушия, бездействия или пассивности прокуратуры либо судебных органов – не проявляют должного усердия для обеспечения защиты от подобного насилия или узаконивают насилие в семье, например разрешая мужьям «наказывать» своих жен или не квалифицируя в качестве уголовного преступления изнасилование в браке и другие деяния, которые могут представлять собой пытки.*⁴⁴
 - в. Межамериканская комиссия по правам человека: *«...общая и дискриминационная неэффективность судебной системы также создает условия, благоприятствующие насилию в семье, поскольку общество не видит доказательств того, что государство, как представитель общества, готово принимать эффективные меры для наказания заподобные действия».*⁴⁵
17. Такая безнаказанность была осуждена Судом: *«... общее отношение местных властей к проблеме – например, отношение в отделах полиции к женщинам, сообщаящим о домашнем насилии, и пассивность судебной системы, не обеспечивающий пострадавшим эффективную защиту – создает благоприятный климат для домашнего насилия».*⁴⁶ В деле «Джиорджи против Италии» Суд установил, что имело место нарушение как материальной, так и процессуальной частей статьи 3 Конвенции. Суд постановил, что власти не провели оценку риска жестокого обращения, сфокусированную конкретно на контексте насилия в семье, и не предприняли никаких действий в ответ на серьезный риск жестокого обращения, и что бездействие создало ситуацию безнаказанности. Суд также установил, что государство нарушило свою обязанность по расследованию фактов жестокого обращения с заявительницей и ее детьми, а то, как национальные власти вели уголовное преследование по данному делу, также квалифицируется как *судебная пассивность*⁴⁷. Бездействие и халатность правоохранительных органов в отношении реагирования на предыдущие случаи насилия в семье в деле «Гайдукевич против Грузии» стали одной из основных причин того, что насилию в семье была позволена эскалация, завершившаяся убийством жертвы⁴⁸. Суд установил, что «национальные власти способствовали созданию ситуации безнаказанности, способствующей повторению актов насилия» со стороны преступника о многих делах Суд также установил, что даже в тех случаях, когда власти не оставались полностью пассивными, они все же не выполнили свои обязательства по статье 3 Конвенции, поскольку принятые меры не помешали обидчику совершать дальнейшее насилие в отношении жертвы.⁵⁰
18. «Пассивность» судебных или следственных органов – это вводящий в заблуждение термин (альтернативные определения включают безразличие, принятие и бездействие), игнорирующий тот факт, что, *не действуя*, полиция и прокуратура нарушают свои позитивные обязательства по защите, а зачастую и положения национального законодательства в сфере противодействия домашнему насилию, требующие от них соответствующих действий. Данный термин также дает неверное представление о действиях и бездействиях, составляющих такую «пассивность»: о решениях *не сообщать* о случаях домашнего насилия, *не начинать* и *не проводить* расследование, *не осуществлять* уголовное преследование, *не выдавать* судебный приказ о защите жертвы – фактически о

всех *решениях*, которые так часто выводят жертву из сферы правовой защиты и снова возвращают ее в сферу частной жизни.

19. Как Суд постановил в решении по делу *Таллис*,⁵¹ непроведение оценки риска для жизни или здоровья не может служить основанием для отрицания факта существования угрозы. Этот подход был поддержан в пояснительном докладе к статье 51 Стамбульской конвенции об оценке риска и управлении рисками.⁵² Если бы государство могло уходить от своей ответственности по защите жизни, полагаясь на халатность или дискриминационное отношение своих уполномоченных представителей, это подрывало бы принципы защиты, предоставляемые Конвенцией.
20. Решение Большой Палаты Суда по делу *«Курт против Австрии»*, дало дополнительные разъяснения относительно применения теста Османа к ситуациям домашнего насилия.⁵³ В частности, Большая палата установила ряд общих принципов толкования статьи 2 Конвенции в контексте домашнего насилия.⁵⁴ Во-первых, власти должны немедленно реагировать на утверждения о домашнем насилии.⁵⁵ Во-вторых, когда такие заявления доходят до их сведения, они должны изучить наличие реального и непосредственного риска для жизни путем проведения “автономной, проактивной и всеобъемлющей” оценки риска⁵⁶, принимая во внимание особый контекст насилия в семье.⁵⁷ Большая палата отметила, что использование стандартных контрольных списков с указанием конкретных факторов риска может способствовать всеобъемлющей оценке риска властями. В-третьих, если в результате оценки риска выясняется, что существует реальная и непосредственная угроза жизни, то возникает обязанность властей принять оперативные превентивные меры. Эти меры должны быть адекватными и соразмерными уровню оцененного риска⁵⁸.
21. Суд подтвердил эти принципы в деле *«У и другие против Болгарии»*⁵⁹, где он установил, что полиция не провела оценку риска и не обратила внимания на угрозы убийством, а также не проверила, имел ли преступник доступ к пистолету, о чем конкретно утверждала жертва. По мнению Суда, *«в контексте бытового насилия угрозы убийством всегда должны восприниматься серьезно и оцениваться с точки зрения их достоверности»*.⁶⁰ Наряду с неоднократным проявлением признаков гнева, насилия и навязчивого отношения к жертве, власти могли бы выявить *«явный красный флаг»*, предвещающий будущую опасность для нее от действий преступника.⁶¹
22. Суд подчеркнул важность проведения надлежащих расследований и указал на многочисленные риски, связанные с ошибками властей в процессе расследования. В деле *«Тхелидзе против Грузии»* Суд пришел к выводу, что упущения властей, включая неточный и неполный сбор доказательств сотрудниками полиции, *«могут привести к недооценке уровня фактически совершенного насилия, пагубно сказаться на перспективах начала уголовного расследования и даже отбить желание у жертв домашнего насилия, которые зачастую уже находятся под давлением общества не делать этого, сообщать о жестоком члене семьи властям в будущем»*⁶².

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

23. Многие содержащиеся в национальном законодательстве легальные дефиниции преступлений, связанных с сексуальным насилием, и следственные процедуры содержат неотъемлемые дискриминационные гендерные стереотипы, ограничивающие состав изнасилования только теми ситуациями, когда жертва оказывает физическое сопротивление, а насильник применяет физическую силу или угрожает ее применить. Некоторые национальные законы также возлагают на жертву бремя преследования преступника, что особенно проблематично в семейных отношениях, учитывая преобладающее неравенство властных отношений. Обе эти проблемы являются серьезными препятствиями на пути к реализации правосудия.

Требование определять изнасилование на основании принципа согласия

24. Требование о принятии определения изнасилования и других форм сексуального насилия, основанного на принципе согласия, является общепризнанным принципом международного права в сфере прав человека и уголовного права. Это требование сформулировано Судом,⁶³ а также конвенциями и механизмами в области прав человека, включая Общую рекомендацию КЛДЖ № 35;⁶⁴ практику КЛДЖ по рассмотрению жалоб;⁶⁵ Стамбульскую конвенцию; практику Международного уголовного суда («МУС»);⁶⁶ Межамериканского суда по правам человека («Межамериканский суд»);⁶⁷ Международного трибунала по Руанде («МТР»);⁶⁸ Международного трибунала по бывшей Югославии («МТБЮ»);⁶⁹ а также доклад о сексуальном насилии и детской беременности в государствах-участниках Конвенции Белен-ду-Пара Комитета экспертов механизма наблюдения за выполнением положений Конвенции.⁷⁰
25. Произошли важные изменения в стандартах защиты прав человека, которые усиливают и развивают подход, предложенный Судом в 2003 году в деле *«М.С. против Болгарии»* в отношении определения изнасилования, основанного на принципе согласия, и его расследования. Суд в этом деле, среди прочего, счел, что, «хотя на практике иногда бывает сложно доказать отсутствие согласия при отсутствии «прямых» доказательств изнасилования, таких как следы применения насилия или наличие непосредственных свидетелей, органы власти, тем не менее, должны изучить все факты и принять решение на основе оценки всех сопутствующих обстоятельств».⁷¹
26. В статье 36 Стамбульской конвенции содержится определение сексуального насилия, включая изнасилования, требующее от государств ввести уголовную ответственность за «совершение, без согласия, вагинального, анального или орального проникновения сексуального характера в тело другого лица с использованием любой части тела или предмета». В то же время данная статья Конвенции устанавливает, что «согласие должно даваться добровольно, в результате свободного волеизъявления лица, с учетом окружающих обстоятельств».
27. Как подчеркивается в Пояснительном докладе к Стамбульской конвенции, уголовное преследование за сексуальное насилие, включая изнасилование, требует «оценки доказательств с учетом контекста, чтобы в каждом конкретном случае установить, дала ли жертва согласие на совершение акта сексуального характера добровольно». Более того, во время такой оценки необходимо принять во внимание «широкий спектр поведенческих реакций на сексуальное насилие и изнасилование, которые демонстрируют жертвы, и оценка не должна основываться на предположениях о типичном поведении в подобных ситуациях».
28. КЛДЖ в деле *«Вертидо против Филиппин»* рекомендовал:
- i) *пересмотреть в законодательстве определение изнасилования с тем, чтобы центральное место в нем занимал вопрос об отсутствии согласия;*
 - ii) *убрать из законодательства любые требования того, что сексуальное нападение совершается при помощи силы или насилия, и любые требования доказательства проникновения сексуального характера, а также свести к минимуму повторную виктимизацию заявителя/жертвы в ходе разбирательств путем принятия*

определения сексуального нападения, которое либо:

а) требует наличия «прямого и добровольного согласия» и доказательств со стороны обвиняемого, что им были приняты меры для установления, что заявитель/пострадавший дал согласие; либо

б) требует того, чтобы акт был совершен в «условиях принуждения», и включает в себя широкий круг таких условий.⁷²

Комитет постановил, что не должно существовать презумпции того, что жертва дает свое согласие, если не оказывает физического сопротивления нежелаемому сексуальному поведению, «независимо от того, угрожал ли преступник применением физического насилия или применил такое насилие».⁷³

29. КЛДЖ требует от государств «обеспечить, чтобы определение преступлений сексуального характера, включая изнасилование в браке и при знакомстве/свидании, основывалось на отсутствии добровольно выраженного согласия и принимало во внимание условия принуждения».⁷⁴
30. 22 ноября 2019 г. участники Платформы из семи независимых региональных механизмов и механизмов ООН по вопросам насилия в отношении женщин и прав женщин совместно призвали все государства обеспечить, чтобы определение изнасилования было основано на факте отсутствии согласия в соответствии с международными стандартами.⁷⁵

Трактовка принципа согласия в ситуациях уязвимости, включая в ситуациях домашнего насилия

31. Из-за своего физического и психологического воздействия на жертву домашнее насилие создает ситуацию уязвимости. Данный фактор следует в полной мере учитывать, и им необходимо руководствоваться для установления того, был ли половой акт совершен по обоюдному согласию.
32. В деле «Е.В. против Румынии», цитирующем «М.С. против Болгарии», Суд постановил, что в случае, когда в ходе рассмотрения дела возникает спор относительно фактов по делу, требуется проведение «оценки достоверности сделанных заявлений с учетом конкретной ситуации и проверка всех сопутствующих обстоятельств».⁷⁶ Кроме того, как один из аспектов выполнения государством обязательств по должной осмотрительности, следственные органы обязаны оценить личные обстоятельства и ситуацию потерпевшей, что позволит провести более детальный анализ возможности и способности потерпевшей дать свое согласие на половые акты. Суд осудил тот факт, что ни личные обстоятельства заявительницы, ни обстоятельства инцидента не были оценены должностными лицами, которые принимали решения по делу.⁷⁷ Более того, Суд подчеркнул, что не следует придавать чрезмерное значение отсутствию доказательств сопротивления со стороны потерпевшей.⁷⁸
33. Гаагские принципы, касающиеся сексуального насилия (2019 г.),⁷⁹ определяют факторы, влияющие на то, совершается ли акт сексуального характера без подлинного, добровольного, конкретного и постоянного согласия.⁸⁰ Список факторов (не является исчерпывающим), выявленных и считающихся важными при определении того, был ли половой акт совершен без согласия, включает, в частности, «неравные отношения между насильником и потерпевшим лицом ввиду множества различных факторов». Последние могут включать: осведомленность о том, что насильник ранее применял насилие в отношении пострадавшего лица или третьей стороны в качестве наказания за невыполнение его требований.⁸¹ а также ситуацию, когда существует разумный страх угрозы сексуального насилия, основанный на окружающей обстановке страха, созданной насильником.⁸² Эти обстоятельства принуждения, часто встречающиеся в ситуациях домашнего насилия, предполагают, что согласие не может считаться данным добровольно, если оно было дано в «ситуации уязвимости».⁸³
34. Презумпция постоянного согласия в супружеских отношениях, особенно в тех случаях, когда установлен факт применения домашнего насилия, нарушает право женщины на автономию, безопасность и физическую неприкосновенность. В свете существования динамики неравного распределения власти в отношениях, особенно когда жена сталкивается с постоянными угрозами и проявлением насилия в свой адрес, государство должно обеспечить, чтобы оценка наличия или отсутствия подлинного согласия осуществлялась с учетом этих обстоятельств,

связанных с принуждением. Изнасилование в данном контексте не следует рассматривать как «отдельный инцидент», не связанный с домашним насилием, но как продолжение и кульминацию насилия, где изнасилование является высшим проявлением контроля, господства и подчинения (уступая лишь убийству).

35. Основываясь на приведенных выше стандартах, свидетельства о связанном с принуждением поведении, существующем в ситуациях домашнего насилия, являются ключевым фактором, которым должны руководствоваться органы власти при определении наличия или отсутствия согласия, когда речь идет об изнасиловании в браке. Поведение, связанное с принуждением, может нести угрозу причинения физического или иного вреда. Доказательства существования неравных властных отношений между насильником и жертвой имеют значение для определения того, существует ли связанное с принуждением поведение, которое может опровергнуть наличие согласия. Неравное распределение власти в отношениях может проистекать из множества ситуаций, включая те из них, где пострадавшее лицо находится в каких-либо зависимых отношениях с насильником (семейных или личных, финансовых, юридических или профессиональных).

Необходимость введения уголовной ответственности за изнасилование в браке и определения его как отягчающего обстоятельства

36. Международные стандарты в области прав человека требуют от государств уделять особое внимание преступлениям, совершаемым в домашних условиях, в том числе изнасилованию в браке. Согласно Стамбульской конвенции, в случаях совершения насилия в отношении женщин, если «правонарушение было совершено против бывшего или нынешнего супруга (супруги) или партнера, признанными таковыми на основании внутреннего права, членом семьи, лицом, проживающим вместе с жертвой, или лицом, которое злоупотребило своими полномочиями», такое обстоятельство должно рассматриваться как отягчающее.⁸⁴
37. КЛДЖ и Комитеты ООН по правам человека рекомендовали государствам бывшего Советского Союза прямо и четко установить уголовную ответственность за изнасилование в браке, в том числе Кыргызстану (2018 г.),⁸⁵ Таджикистану (2018 г.),⁸⁶ Беларуси (2016 г.),⁸⁷ Латвии (2014 г.)⁸⁸ и Литве (2014 г.).⁸⁹ Важно отметить, что у этих стран, ранее входивших в состав Советского Союза, имеются схожие определения сексуального насилия, а также схожие системы уголовного правосудия.
38. Группа экспертов Совета Европы по действиям против насилия в отношении женщин и домашнего насилия («ГРЕВИО») также признает, что сексуальное насилие и изнасилование являются «распространенной формой проявления власти и контроля в отношениях насильственного характера, и которая может происходить во время отношений и после их разрыва. Критически важно обеспечить недопущение каких-либо исключений при криминализации и привлечении к ответственности за такие акты, совершенные против бывших или нынешних супругов или партнеров».⁹⁰ Кроме того, в своей оценке ситуации в Албании ГРЕВИО рекомендовала, чтобы «сексуальное насилие также включало домашнее сексуальное насилие», поскольку исторически «законодательство многих стран прямо или косвенно попустительствовало изнасилованию в браке».⁹¹
39. Пособие ООН для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин⁹² далее настоятельно рекомендует государствам-участникам установить уголовную ответственность за сексуальное насилие в отношениях, в частности за изнасилование в браке, и включить широкий спектр принуждающих обстоятельств, при этом «не смещая акцент на применение силы или насилия».⁹³
40. 22 ноября 2019 года *Платформа из семи независимых региональных механизмов и механизмов ООН по вопросам насилия в отношении женщин и прав женщин* призвала все государства «прямо предусматривать уголовную ответственность за изнасилование и сексуальное насилие в браке».⁹⁴

Необходимость обеспечить преследование *ex officio*/в публичном порядке по делам о домашнем насилии, изнасиловании и иных преступлениях, связанных с сексуальным насилием

41. В соответствии с международными и региональными стандартами, в том числе судебной практикой ЕСПЧ⁹⁵ и Стамбульской конвенцией,⁹⁶ для обеспечения доступа к правосудию власти обязаны серьезно реагировать на все случаи гендерного насилия, в том числе путем преследования *ex officio* (по инициативе государства). Поскольку сексуальное насилие причиняет особую травму, такие стандарты призваны гарантировать, чтобы пережившие такое насилие не несли бремя длительных уголовных разбирательств, а виновные были привлечены к ответственности.⁹⁷
42. КЛДЖ в Общей рекомендации № 35 указывает, что государства-участники должны: «Обеспечить реальный доступ жертв к системе правосудия и судам; обеспечить надлежащее реагирование властей на все случаи гендерного насилия в отношении женщин, в том числе путем применения норм уголовного законодательства и, если необходимо, преследования *ex officio* предполагаемых виновных в целях привлечения их к суду на основе принципов справедливости, беспристрастности, своевременности и оперативности и применения соответствующего наказания».⁹⁸
43. Что касается России, в деле «О.Г. против Российской Федерации» КЛДЖ пришел к выводу о том, что «тот факт, что жертве семейно-бытового насилия приходится выдвигать обвинение в частном порядке, в соответствии с которым бремя доказывания возлагается полностью на нее, лишает жертву доступа к правосудию»⁹⁹ и рекомендовал России «принять всестороннее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая домашнее насилие [и] ввести преследование *ex officio* в делах о домашнем и сексуальном насилии».¹⁰⁰ В своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации КЛДЖ призвал государство «предусмотреть преследование *ex officio* за бытовое и сексуальное насилие».¹⁰¹ В своих заключительных замечаниях по шестому периодическому докладу Российской Федерации Комитет против пыток с обеспокоенностью отметил, что процент обвинительных приговоров по делам об изнасиловании является очень низким, и настоятельно призвал государство обеспечить, чтобы все заявления о случаях насилия в отношении женщин регистрировались полицией и оперативно, беспристрастно и эффективно расследовались.¹⁰² Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках также подчеркнул: «когда государство знает или ему следовало бы знать, что женщина в опасности, оно должно принять конкретные меры для обеспечения ее безопасности, даже если она не решается подать судебный иск».¹⁰³
44. В делах о домашнем насилии ЕСПЧ отмечает, что особая уязвимость жертв домашнего насилия означает, что органы власти несут повышенную ответственность проверять, требуется ли более активный подход, и «расследовать по собственной инициативе необходимость принятия мер».¹⁰⁴ В деле «*Опуз против Турции*» Суд отмечает, что существуют определенные факторы, которые могут быть приняты во внимание при определении того, следует ли продолжать преследование после того, как жертва отозвала жалобу, в том числе серьезность преступления, планировал ли преступник нападение, высказывал ли преступник какие-либо последующие угрозы и есть ли вероятность того, что преступник снова совершит нападение; «чем серьезнее преступление или чем больше угроза совершения новых преступлений, тем более вероятно, что расследование должно быть продолжено в интересах общества, даже если потерпевшие отзывают свои жалобы».¹⁰⁵ Данная аргументация ЕСПЧ в равной степени должна быть применима и к делам об изнасиловании и изнасиловании в браке. Совсем недавно Суд постановил, что «в контексте домашнего насилия... возможности возбудить дело в порядке частного обвинения недостаточно».¹⁰⁶
45. В деле «*J.I. против Хорватии*» Суд установил, что государство нарушило статью 3 Конвенции в связи с тем, что не провело эффективного расследования предполагаемых угроз убийством в адрес уязвимой жертвы изнасилования со стороны ее обидчика и отца. Хотя серьезная угроза со стороны члена семьи представляет собой уголовное деяние, подлежащее преследованию *ex officio*, полиция даже не начала уголовное расследование в

связи с заявлениями заявителя.¹⁰⁷ Суд отметил, что запрет на жестокое обращение в соответствии со статьей 3 Конвенции охватывает все формы насилия в семье, включая угрозы убийством, и каждый такой акт влечет за собой обязательство провести расследование.¹⁰⁸ Тем более что властям *«было хорошо известно об особой уязвимости заявительницы из-за ее пола, этнического происхождения и прошлых травм, [...] они должны были быстро и эффективно отреагировать на ее жалобы по уголовным делам, чтобы защитить ее от реализации этой угрозы, а также от запугивания, мести и повторной виктимизации»*¹⁰⁹.

ДИСКРИМИНАЦИЯ

Необходимость рассматривать заявления о домашнем насилии и изнасиловании как дискриминацию в соответствии со статьей 14 Конвенции

46. Европейский суд по правам человека будет учитывать статью 14 (которая может заявлена только в сочетании с другим правом, предусмотренным Конвенцией),¹¹⁰ если есть значимая правовая цель— установить, подвергался ли заявитель дискриминации, или если неравенство в обращении является *основным аспектом* дела.¹¹¹ Крайне важно, чтобы статья 14 рассматривалась в делах о гендерном насилии, которое включает дела об изнасиловании и изнасиловании в браке, учитывая, что дискриминация является основным аспектом такого насилия, и признание этого является ключом к правильному пониманию причин, последствий, решений и влияния такого насилия.
47. Общепринято считать, и Суд придерживается такого же мнения, что гендерное насилие «является формой *дискриминации* в отношении женщин».¹¹² Гендерное насилие «затрудняет или сводит на нет пользование женщинами правами человека и основными свободами» и, таким образом, подпадает под запрет дискриминации в соответствии со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин.¹¹³ В своей недавней Общей рекомендации № 35 КЛДЖ отметил, что концепция недопустимости гендерного насилия приобретает статус одного из принципов международного обычного права.¹¹⁴ Кроме того, в настоящее время международным правом четко предусмотрено, что гендерное насилие может приравниваться к пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, в том числе в случаях изнасилования, и что гендерно-чувствительный подход необходим для понимания уровня боли и страданий, испытываемых женщинами.¹¹⁵
48. Европейский суд по правам человека неоднократно заявлял, что «[р]еального гендерного равенства можно достичь только *при гендерно-чувствительном толковании и применении положений Конвенции*».¹¹⁶ Суд пришел к выводу, что неспособность оценить серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия выходит за рамки простого отказа решить проблему или промедления в решении проблемы насилия в отношении женщин и равносильно повторению действий, потворствующих такому насилию и отражающих дискриминационное отношение к жертвам по признаку пола.¹¹⁷
49. Поэтому крайне важно учитывать гендерные аспекты при принятии мер реагирования на домашнее насилие, в том числе изнасилование в браке, коренные причины и проявления которого могут быть эффективно устранены только в том случае, если лица, ответственные за предотвращение насилия, понимают его безусловный гендерный характер. Применение гендерной перспективы требует уделения особого внимания не только к структурным формам неравенства между женщинами и мужчинами, но и к чрезвычайной уязвимости жертв домашнего насилия, а также к гендерным стереотипам, которые слишком часто влияют на оценку поведения жертв домашнего насилия и подозреваемых, в том числе в случаях изнасилования в браке. Для того чтобы эффективно бороться с системным характером нарушений, национальные следственные органы и суды, а также региональные и международные суды и механизмы обязаны учитывать гендерные аспекты во всех вопросах, касающихся домашнего насилия.
50. В случаях гендерного насилия необходимо ссылаться на устоявшиеся принципы Европейского суда,¹¹⁸ а также на принципы других механизмов в области прав человека, согласно которым насилие в отношении женщин является формой дискриминации в отношении женщин, результатом неравенства сил и исторически сложившегося представления о подчиненном положении женщин в обществе,¹¹⁹ в частности:
 - Стамбульская конвенция: «*насилие в отношении женщин является проявлением исторически неравного соотношения сил между женщинами и мужчинами, которое привело к доминированию дискриминации женщин мужчинами и которое стало препятствием для осуществления полного равноправия женщин*» и «*сознавая структурный характер насилия в отношении женщин как насилия по гендерному признаку, а также то, что насилие в отношении женщин*

является одним из тех главных социальных механизмов, благодаря использованию которых женщины заставляют занять подчиненное положение по сравнению с мужчинами».¹²⁰

- КЛДЖ: «причины гендерного насилия в отношении женщин кроются в таких гендерных факторах, как идеология привилегированного положения и главенства мужчин над женщинами, социальные нормы, касающиеся демонстрации мужественности, а также потребность мужчин в осуществлении контроля или власти, обеспечении соблюдения гендерных ролей или предотвращении, сдерживании или наказании такого поведения женщин, которое считается неприемлемым. Эти факторы также способствуют прямому или косвенному общественному признанию приемлемости гендерного насилия в отношении женщин, которое зачастую все еще считается личным делом, а также тому, что такое насилие повсеместно остается безнаказанным».¹²¹
- Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках: «Всесторонний учет гендерных аспектов в любом анализе пыток и жестокого обращения имеет ключевое значение для обеспечения того, чтобы нарушения, обусловленные дискриминационными социальными нормами, полностью признавались, искоренялись и исправлялись».¹²²

Позитивные обязательства по статье 14 во взаимосвязи с положениями статей 2 и 3 Конвенции

51. Суд в своей практике по делам о бытовом насилии следующим образом резюмировал позитивные обязательства государств по статьям 2 и 3: во-первых, государства обязаны создать законодательную и нормативную базу защиты; во-вторых, в четко определенных ситуациях государства должны оперативно реагировать на сообщения о бытовом насилии и принимать оперативные меры для защиты конкретных лиц от риска жестокого обращения; в-третьих, при возникновении претензий о таком жестоком обращении государства обязаны провести эффективное расследование¹²³. Эти обязательства переплетаются с необходимостью обеспечения защиты от дискриминации по признаку пола (согласно статье 14 Конвенции), поскольку характер насилия является дискриминационным, а реакция властей может также свидетельствовать о дальнейшей дискриминации (например, если она не соответствует обязательствам по проявлению должной осмотрительности и/или свидетельствует об использовании дискриминационных высказываний или гендерных стереотипов в общении с жертвами). Следовательно, важно, чтобы статья 14 Конвенции рассматривалась Судом одновременно с позитивными обязательствами по статьям 2 и 3 Конвенции при оценке соблюдения государством обязанностей по защите и предотвращению домашнего и сексуального насилия¹²⁴.
52. Гендерная дискриминация в случаях домашнего и сексуального насилия может проявляться на многих уровнях: от гендерных мотивов преступника до явных дискриминационных комментариев со стороны полиции, следователей, прокуроров и судей, до нежелания серьезно отнестись к заявлению, предоставить правовую защиту, возбудить уголовное дело. Важно выделить и дифференцировать каждое предполагаемое проявление дискриминации со стороны различных органов власти. До сих пор Суд не был последователен в применении статьи 14 к этим делам и, как правило, требовал доказательств системной дискриминации на национальном уровне в отношении расследования и преследования этих преступлений, таких как национальные и международные отчеты и статистические данные, особенно в тех случаях, когда прямых доказательств дискриминации нет.¹²⁵
53. Решение по делу «Тхелидзе против Грузии» ознаменовало собой значительное развитие судебной практики Суда в отношении дискриминации по признаку пола. Суд впервые включил рассмотрение дискриминации в жалобы на право на жизнь в дело о бытовом насилии. При одновременном рассмотрении статьи 2 по существу (отсутствие защиты) и процедуре (непроведение расследования) и статьи 14 (дискриминация) Суд указал на дискриминацию и предвзятость как на мотивирующий фактор «основных упущений» властей.¹²⁶ Эти «основные упущения» включали в себя непроведение оценки риска летального исхода, учет существенных триггерных факторов, непринятие каких-либо мер защиты и, напротив, лишение заявителя и жертвы их процессуальных прав и принижение степени физического насилия.

54. Аналогичным образом, в деле «А и Б против Грузии» Суд принял решение об одновременном рассмотрении нарушений права на жизнь и дискриминации по гендерному признаку.¹²⁷ Такой подход свидетельствует о признании Судом центральной роли дискриминации по гендерному признаку в непринятии властями мер защиты. Действительно, Суд подчеркнул, что национальные судебные органы должны были изучить возможную роль гендерной предвзятости и дискриминационного мотива обвиняемого в совершении преступления.¹²⁸ Эти принципы были подтверждены в деле «Гайдукевич против Грузии», где Суд постановил, что обстоятельства смерти жертвы, «которые имели признаки одной из форм гендерного насилия», должны были побудить следственные органы включить в рассмотрение предыдущие случаи насилия в семье и возможную роль дискриминации по гендерному признаку в совершении преступления.¹²⁹
55. Помимо неспособности властей реагировать на случаи домашнего насилия, принимать превентивные меры и проводить надлежащее расследование, Суд также признал случай дискриминации, рассматривая законодательную бездеятельность государства в качестве показательного фактора. В частности, Суд в деле «Туникова и другие против России» выявил системную проблему дискриминации по гендерному признаку и установил нарушение государством статьи 14 в совокупности со статьей 3 Конвенции. Он отметил, что продолжающееся непринятие законодательства по борьбе с домашним насилием и отсутствие какой-либо формы охранных ордеров явно демонстрирует нежелание властей признать серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия и его дискриминационного воздействия на женщин.¹³⁰
56. Кроме того, важно понимать, существуют ли какие-либо дополнительные основания для дискриминации, которые могли бы усугубить уязвимость жертвы. Женщины, ставшие жертвами преступлений, могут сталкиваться с разными формами дискриминации из-за факторов, которые могут способствовать еще большей их маргинализации, таких как этническая принадлежность, раса, религия, инвалидность, возраст, сексуальная ориентация, или их проживание в сельской местности, или принадлежность к коренным народам, или миграционный статус.¹³¹
57. В одном из недавних решений Комитет КЛДЖ прямо указал на пересекающуюся дискриминацию, связанную с этнической и гендерной принадлежностью жертвы, в деле, где национальные власти не расследовали и не преследовали в судебном порядке гендерное насилие и насилие в защиту чести, что привело к смерти женщины.¹³²
58. Общепринятым является обязательство властей проводить «эффективное официальное расследование» предполагаемого насилия, в том числе если такое насилие совершается частными лицами.¹³³ Это особенно актуально, учитывая, что непредсказуемая эскалация насилия и неопределенность в отношении того, что может с ними произойти в ситуации домашнего насилия, приводит женщин в состояние страха и эмоционально-психологического дистресса. Как установил Суд в деле «Туникова и другие против России», пренебрежительное отношение властей усугубляет чувство тревоги и бессилия жертв. Суд счел, что «эти психологические аспекты были достаточно серьезными, чтобы сами по себе приравниваться к обращению, подпадающему под действие статьи 3 Конвенции»¹³⁴.
59. ЕСПЧ постановил, что в случаях, когда «нападение совершается по расовым мотивам, особенно важно, чтобы расследование проводилось активно и беспристрастно с учетом необходимости постоянно поддерживать общественное осуждение расизма и уверенность меньшинств в способности властей защитить их от угрозы насилия на почве расовой нетерпимости».¹³⁵ Как пояснил Суд, «принцип эффективности означает, что национальные судебные органы ни в коем случае не должны быть готовы оставить безнаказанными причиненные физические или психологические страдания»¹³⁶. Межамериканский суд по правам человека занял аналогичную позицию при рассмотрении вопроса о сфере действия обязательства проявлять должную осмотрительность в расследовании дел о гендерном насилии, постановив, что обязательство по эффективному расследованию «имеет более широкий охват при рассмотрении дела о женщине, которая была убита, подвергалась жестокому обращению или личная свобода которой была нарушена в рамках общего контекста насилия в отношении женщин».¹³⁷ Межамериканский суд подчеркивает, что «когда происходит акт насилия в отношении женщины, особенно важно, чтобы власти, ответственные за расследование, проводили его решительно и эффективно, принимая во внимание обязанность общества

проявлять абсолютное неприятие насилия в отношении женщин и обязанность государства ликвидировать его и обеспечить доверие жертв к государственным органам, которые будут их защищать».¹³⁸ Суду настоятельно рекомендуется регулярно проверять, учитывает ли следствие в делах о гендерном насилии присущие такому насилию дискриминационные мотивы.

60. Оценивая, было ли расследование гендерного насилия эффективным, Суд требует, чтобы расследование было начато оперативно и проведено своевременно.¹³⁹ При определении того, следует ли продолжать расследование жалобы на изнасилование, особенно важно, чтобы на процесс принятия решения не влияли дискриминационные стереотипы об изнасиловании и жертвах изнасилования (см. ниже). КЛДЖ подчеркнул, что «наличие стереотипов оказывает воздействие на право женщин на объективное и справедливое судебное разбирательство и что судебные органы обязаны проявлять осторожность, с тем чтобы не создавать жесткие стандарты в отношении того, какими должны быть женщины или девочки и каково должно быть их поведение, когда они подвергаются изнасилованию, с учетом лишь предвзятых представлений о том, что такое жертва изнасилования или же жертва гендерного насилия в более широком понимании».¹⁴⁰
61. ЕСПЧ также считает, что дискриминационная судебная пассивность создает обстановку, благоприятствующую гендерному насилию.¹⁴¹ Таким образом, необходима оценка как действий, так и бездействия. Например, отказ от расследования и судебного преследования ввиду «отсутствия признаков состава преступления» (несмотря на явные доказательства насилия и травм) – это *решение*, а не просто *бездействие*, и при этом на такое решение часто оказывают влияние гендерные стереотипы, которые минимизируют влияние и ограничивают определение насилия или даже оправдывают насилие, тем самым выводя его из сферы уголовно-правовой защиты..
62. В деле «Тхелидзе против Грузии» Суд подверг критике неспособность властей проявить особое усердие для предотвращения гендерного насилия, которое привело к смерти жертвы, «вопиющее пренебрежение множеством различных мер защиты, которые были непосредственно доступны для них», и отметил, что бездействие полиции представляет собой «системный провал».¹⁴² Более конкретно, он отметил, что «бездействие национальных правоохранительных органов, в частности полиции, представляется еще более непростительным, если рассматривать его на фоне того факта, что в целом насилие в отношении женщин, включая насилие в семье, как сообщается, является основной системной проблемой, затрагивающей общество в стране в данный момент».¹⁴³ В деле «Гайдукевич против Грузии» Суд подчеркнул, что «бездействие и халатность правоохранительных органов были одной из основных причин, по которым насилие в семье смогло разрастись и закончиться смертью [жертвы]».¹⁴⁴
63. Суд подчеркнул, что неспособность правоохранительных органов должным образом отреагировать на жалобы о домашнем насилии может свидетельствовать о дискриминации с их стороны. Следовательно, отсутствие дисциплинарного расследования бездействия полиции может повлечь за собой ответственность государства. В делах «Гайдукевич против Грузии», «Тхелидзе против Грузии» и «А и Б против Грузии» Суд признал «настоятельную необходимость проведения значимого расследования реакции полиции и прокуроров и их бездействия, которое могло быть мотивировано дискриминацией по гендерному признаку».¹⁴⁵
64. Кроме того, необходимо применение процедур, учитывающих гендерную специфику, чтобы уделять внимание особой природе гендерного насилия и не допускать повторной виктимизации и стигматизации. Комитет против пыток подчеркивает, что «механизмы подачи жалоб и расследования требуют конкретных позитивных мер, учитывающих гендерные аспекты» с целью обеспечить, что жертвы такого насилия, как сексуальное насилие и надругательства, изнасилование, изнасилование в браке, домашнее насилие, также имели возможность заявить о себе, попросить и добиться возмещения ущерба.¹⁴⁶ Межамериканский суд обобщил передовые методы, необходимые при расследовании уголовных дел об изнасиловании, с целью минимизации рисков нанесения повторной травмы в процессе получения достоверных доказательств:¹⁴⁷
 - а) заявление жертвы должно приниматься в безопасной и комфортной обстановке, которая обеспечивает конфиденциальность и внушает доверие;

- б) заявление жертвы должно быть записано, чтобы избежать необходимости повторять его, или ограничиться только строго необходимой информацией;
- в) жертве необходимо оказать медицинскую, психологическую и санитарно-гигиеническую помощь как в экстренных случаях, так и на регулярной основе, если в этом есть необходимость, в соответствии с протоколом такой помощи, направленной на уменьшение последствий изнасилования;
- г) полное и подробное медицинское и психологическое обследование должно быть незамедлительно проведено соответствующим обученным персоналом того пола, который предпочитает жертва, насколько это возможно, и жертва должна быть проинформирована о том, что ее может сопровождать доверенное лицо, если она того пожелает;
- д) следственные меры должны быть скоординированы и задокументированы, а с собранными доказательствами следует обращаться осторожно, в том числе необходимо взять достаточное количество образцов и сделать все возможные анализы для определения возможного виновного, а также получить другие доказательства, такие как одежда жертвы, немедленный осмотр места происшествия, и обеспечить надлежащее хранение доказательств;
- е) необходимо предоставить доступ к консультационным услугам или, если это применимо, к бесплатной юридической помощи на всех этапах разбирательства.
65. К числу часто встречающихся дискриминационных методов расследования сексуального и домашнего насилия, которые препятствуют доступу к правосудию и должны быть искоренены, относятся:
- минимизация преступления в полицейском протоколе;¹⁴⁸
 - принятие решения прокурором об отсутствии «признаков состава преступления», которое ведет к закрытию уголовного дела, вопреки доказательствам;¹⁴⁹
 - акцент на репутации жертвы, включая историю сексуальных отношений (см. раздел о стереотипах ниже);¹⁵⁰
 - недоверие к жертве по причине ее возраста, ментальной или физической инвалидности;¹⁵¹
 - негативные выводы, сделанные на основании задержки подачи заявления о применении насилия (основанные на стереотипном представлении о реакции жертвы);¹⁵²
 - требование доказательств, подтверждающих сексуальное насилие (что приводит к отказу от судебного преследования);¹⁵³
 - предположения полиции о том, что домашнее насилие или изнасилование в браке являются личным/семейным делом;¹⁵⁴
 - официальные попытки добиться примирения сторон;¹⁵⁵
 - такие меры, как «очная ставка» и «следственный эксперимент» (требующие от жертвы вернуться на место преступления и заново пережить этот опыт), которые повторно травмируют жертву и не имеют доказательной ценности или имеют сомнительную ценность;
 - ненужные инвазивные осмотры, не имеющие доказательной ценности.
66. Для того чтобы любое расследование было гендерно-чувствительным и обращало внимание на особый характер гендерно-обусловленного насилия, такое расследование должно проводиться сотрудниками государственных органов, прошедшими всестороннюю подготовку. Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин подчеркнула необходимость того, чтобы судьи и сотрудники правоохранительных органов прошли подготовку по таким вопросам, как «реалии различных форм гендерного насилия», а также изучали содержание и практику применения соответствующего национального и международного законодательства, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и практику КЛДЖ.¹⁵⁶ В частности, подготовка по вопросам гендерного насилия должна быть включена в качестве основного элемента в программу подготовки сотрудников полиции, чтобы исключить возможное

неправомерное обращение со стороны полиции и предвзятое отношение к женщинам-жертвам насилия.¹⁵⁷ КЛДЖ призвал Российскую Федерацию «обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей, прокуроров, сотрудников полиции и других правоохранительных органов по вопросам строгого соблюдения положений уголовного законодательства, касающихся насилия в отношении женщин, и порядка применения процедур при работе с женщинами, ставшими жертвами насилия».¹⁵⁸ Комитет против пыток отметил, что государство должно обеспечить, чтобы такие сотрудники проходили специальную подготовку для ознакомления с воздействием гендерного насилия и осваивали навыки чуткого отношения к жертвам такого насилия в целях недопущения вторичной виктимизации и стигматизации.¹⁵⁹ Суд также неоднократно отмечал важность регулярного обучения сотрудников органов, работающих с жертвами домашнего насилия¹⁶⁰, чтобы они могли лучше распознавать и оценивать потенциальные риски, и подчеркивал, что для эффективного превентивного реагирования часто требуется координация действий различных органов власти¹⁶¹.

Важность выявления гендерных стереотипов и борьбы с ними

67. Обязательства государств в соответствии со статьей 5 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и статьей 12.1 Стамбульской конвенции включают искоренение предрассудков и социальных и культурных моделей поведения, основанных на гендерных стереотипах. В случаях насилия в отношении женщин *«предвзятость мнений и стереотипные представления о том, что является насилием в отношении женщин, как женщины должны реагировать на такое насилие и каковы стандарты доказывания, соблюдение которых необходимо для подтверждения случаев насилия, могут привести к нарушению права женщин на равенство перед законом, на справедливое судебное разбирательство и на эффективные средства правовой защиты»*.¹⁶² Общеизвестно, что реакции жертв на насилие отличаются, и недавно Европейский институт гендерного равенства¹⁶³ подчеркнул, что в случаях, когда органы власти проводят *«оценку риска, [она] не должна зависеть исключительно от суждения жертв, поскольку они могут переоценивать или недооценивать риск и неохотно делиться информацией по ряду причин, в том числе из опасений за свою безопасность»*.¹⁶⁴
68. Что касается оценки поведения жертв гендерного насилия, Европейскому суду по правам человека следует внимательно следить за тем, чтобы жертвы сексуального насилия, включая изнасилование в браке, не воспринимались как постоянно пребывающие в состоянии готовности дать согласие на половой акт; чтобы доказательства физического насилия не являлись обязательными для установления факта изнасилования; и чтобы жертвы домашнего и сексуального насилия не несли ответственности за оценку рисков, которым они подвергаются, и не несли бремя привлечения виновных к ответственности.¹⁶⁵
69. В деле *«Константин Маркин против России»* Большая Палата признала важность выявления и преодоления гендерных стереотипов.¹⁶⁶ Такие стереотипы включают:
- Обвинение жертвы: особенно важно, чтобы государства *«разрушили широко распространенные убеждения в отношении вины жертв, которые возлагают на женщин ответственность за собственную безопасность и за насилие, от которого они страдают»*.¹⁶⁷
 - Ожидаемое поведение жертв изнасилования: *«стереотипы негативно влияют на право женщин на справедливое судебное разбирательство, и судебные органы должны проявлять осторожность, чтобы не создавать жестких стандартов о том, какими должны быть женщины или девочки или что они должны были бы делать в случае изнасилования, основываясь лишь на предвзятых представлениях о том, что определяет жертву изнасилования или жертву гендерного насилия в целом»* (8.4).¹⁶⁸ В частности, КЛДЖ подверг критике следующие стереотипы и заблуждения: *«Решение свидетельствует о том, что судья усмотрела противоречивость в поведении потерпевшей, когда сначала она сопротивлялась, а потом поддалась, и судья увидела в этом проблему. Комитет отмечает, что Суд в своем решении не принял во внимание тот принцип, согласно которому «отсутствие со стороны пострадавшей попытки убежать не отрицает факта изнасилования», а вместо этого ожидал от автора определенной модели поведения, поскольку, по мнению Суда, она не является «робкой женщиной, которую легко запугать»*. Из решения явно следует, что оценка достоверности описания автором происшедших событий была сделана под влиянием ряда стереотипов, поскольку в данной ситуации автор не вела себя так, как ожидается от

рациональной и «идеальной жертвы» или же так, как судья сочла бы рациональным и идеальным поведение женщины, подвергающейся изнасилованию».¹⁶⁹

- Гендерно-обусловленное допущение о достоверности показаний обидчиков: «Лица, виновные в семейно-бытовом насилии, несут ответственность и самостоятельно принимают решения о применении насилия. Это подтверждает тот факт, что обидчики редко прибегают к насилию без разбора, не выбирая цель. Многие виновные не прибегают к насилию на рабочем месте, в социальных сетях или в сообществах, но при этом выбирают, когда, где и как применять насилие». Кроме того, «виновные умеют хорошо скрывать насилие, создавая публичный имидж добрых, любящих, обаятельных и симпатичных людей, но в частной жизни ведут себя жестоко, агрессивно, унижающе и манипулятивно».¹⁷⁰

Избегание повторной виктимизации

70. Недавно Суд вновь подчеркнул, что судебным органам необходимо избегать воспроизведения сексистских стереотипов в судебных решениях, преуменьшения значения гендерного насилия и подвергать женщин вторичной виктимизации, делая вызывающие чувство вины и осуждающие комментарии, способные подорвать доверие жертв к системе правосудия¹⁷¹. В деле «J.L. против Италии», возбужденном по иску жертвы сексуального нападения, Суд подчеркнул, что язык и аргументы, использованные национальными судебными органами, отражают предрассудки, укоренившиеся в итальянском обществе в отношении роли женщин, и могут препятствовать обеспечению эффективной защиты жертв гендерного насилия.¹⁷² В частности, национальный суд рассмотрел факторы, не имеющие отношения к достоверности жертвы, такие как семейное положение заявителя, ее отношения, ее сексуальная ориентация, выбор одежды и тематика ее художественной и культурной деятельности. Однако Суд подчеркнул, что позитивное обязательство защищать предполагаемых жертв гендерного насилия также налагает обязанность защищать их образ, достоинство и частную жизнь, в том числе путем неразглашения личной информации и данных, не имеющих отношения к фактам.¹⁷³ Таким образом, Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции.
71. Комитет КЛДЖ в деле «A.F. против Италии» постановил, что решение вышестоящих судов отменить приговор преступнику из-за отсутствия доказательств, «несмотря на значительные имеющиеся судебно-медицинские, медицинские и свидетельские показания», а также «разительное различие в отношении к показаниям [жертвы] и обвиняемого может быть объяснено только глубоко укоренившимися гендерными стереотипами».¹⁷⁴ Комитет отметил, что решения национальных судов были «основаны на искаженных представлениях и предвзятых убеждениях и мифах, а не на соответствующих фактах», что «лишило [жертву] равного доступа к правосудию и не только не защитило ее, но и неоднократно подвергало ее дискриминации и повторной травматизации»¹⁷⁵.
72. Кроме того, Комитет КЛДЖ, принимая решение по первому делу о насилии на почве чести, прямо указал на пересекающуюся дискриминацию, связанную с этнической и гендерной принадлежностью жертвы, и осудил стереотипное отношение полиции и судебных властей¹⁷⁶. Дискриминация проявилась в «описании прокурором ее поведения как «бесчестного» и в решении завершить расследование на основании вывода о том, что она совершила самоубийство из-за своего «позорного» поведения»¹⁷⁷. Комитет осудил неспособность государства провести расследование и привлечь к ответственности лиц, виновных в гендерном насилии и насилии на почве чести, которому подверглась жертва и которое в конечном итоге привело к ее смерти, и попросил правительство принести публичные извинения.
73. Такие стереотипы – распространенное явление в делах о домашнем и сексуальном насилии. Они могут приводиться в заявлениях виновного, родственников, друзей и соседей жертвы (что свидетельствует о предубеждениях в социальных и культурных моделях), полиции, следователей, прокуроров, судей (что свидетельствует о прямой дискриминации в расследовании и при предотвращении преступлений) и даже в официальных ответах государства Суду. Каждый такой случай требует выявления и оспаривания.

ВЫВОД & ПОЛЕЗНЫЕ РЕСУРСЫ

Вывод

74. Учитывая системный и структурный характер насилия в отношении женщин и сложности ведения такой категории дел, о которых речь шла в настоящем руководстве, стоит подумать, следует ли просить ЕСПЧ применить общие меры и предписания в соответствии со статьей 46 Конвенции или же стоит конкретизировать рекомендации для КЛДЖ. Такие меры могут включать конкретные законодательные изменения, требующие определять изнасилование или сексуальное насилие на основании принципа согласия, криминализовать изнасилование в браке и признать домашнее насилие самостоятельным составом преступления (в юрисдикциях, где домашнее считается административным правонарушением), а также обеспечить преследование *ex officio*/в публичном порядке по делам о насилии в отношении женщин и законодательно закрепить обязательные тренинги для сотрудников полиции, судов и органов прокуратуры. Эти меры необходимы для того, чтобы обеспечить полное признание страданий и опыта женщин, ставших жертвами гендерного насилия, и исправить неспособность государства устранить структурное неравенство, дискриминацию, подчинение и гендерные иерархии, являющиеся одними из коренных причин насилия в отношении женщин.¹⁷⁸
75. В заключение следует отметить, что гендерная перспектива при рассмотрении дел о насилии в отношении женщин требует:
- применения гендерной перспективы на каждом этапе (предотвращение, расследование, преследование, наказание, возмещение ущерба) при оценке того, выполнило ли государство свои обязательства по проявлению должной осмотрительности в отношении насилия в отношении женщин;
 - выявления и преодоления гендерных стереотипов;
 - автоматического рассмотрения всех форм насилия в отношении женщин, включая сексуальное насилие, как формы дискриминации женщин в соответствии со статьей 14 Конвенции.

Полезные ресурсы

Информационные бюллетени ЕСПЧ о насилии в отношении женщин и домашнем насилии

https://www.echr.coe.int/Documents/FS_Violence_Woman_ENG.pdf

https://www.echr.coe.int/Documents/FS_Domestic_violence_ENG.pdf

Руководство ООН по эффективным мерам преследования в ответ на насилие в отношении женщин и девочек

https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Handbook_on_effective_prosecution_responses_to_violence_against_women_and_girls.pdf

В частности, см. разделы о стереотипах (стр. 31); контрольный перечень вопросов для оценки риска летальности (стр. 54); защита жертв (стр. 56 и 97); доказательства (стр. 99) и свидетели-эксперты (стр. 111).

Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция)

<https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008482e>

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

<https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cedaw.aspx>

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19

https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/1_Global/CEDAW_C_GC_35_8267_E.pdf

Пекинская декларация и Платформа действий 1995 года

https://beijing20.unwomen.org/~media/headquarters/attachments/sections/csw/pfa_e_final_web.pdf

Обновленные ООН Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (2010 г.)

https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/crimeprevention/Model_Strategies_and_Practical_Measures_on_the_Elimination_of_Violence_against_Women_in_the_Field_of_Crime_Prevention_and_Criminal_Justice.pdf

Пособие ООН для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин

<https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20violence%20against%20women.pdf>

Всемирная организация здравоохранения, понимание и борьба с насилием в отношении женщин, фемицид

https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/77421/WHO_RHR_12.38_eng.pdf;jsessionid=BDFE3BF04DE30722EFF4311A1F63A6EC?sequence=1

Сноски

1. Следующие Руководства могут быть полезными: ВОЗ, «Руководство по оказанию медико-правовой помощи жертвам сексуального насилия» (2003 г.) <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42788/924154628X.pdf;jsessionid=3CDA026_E640ADAFB846790846A274E1B?sequence=1> дата обращения: 19 января 2021 г.; Королевская прокурорская служба, «Руководство по домашнему насилию для прокуроров» (с изменениями от 28 апреля 2020 г.) <<https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/domestic-abuse-guidelines-prosecutors>> дата обращения: 19 января 2021 г.
2. EHRAC является независимым центром предоставления правовой помощи, ведущем стратегически важные дела в Европейском суде по правам человека и органах ООН против России, Грузии, Украины, Азербайджана и Армении в сотрудничестве с преданными данному делу партнерами из числа юристов и ООН.
3. Генеральная ассамблея ООН, «Важность запрета пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в ситуациях, связанных с домашним насилием», промежуточный доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (2019 г.) UN Doc A/74/148, п. 3.
4. «Осман против Соединенного Королевства», заявление № 23452/94 (ЕСПЧ, 28 октября 1998 г.).
5. «Еремия против Республики Молдова», заявление № 3564/11 (ЕСПЧ, 28 мая 2013 г.), п. 49.
6. В деле Османа речь шла об одержимости учителя-мужчины и домогательствах в отношении школьника Ахмета Османа и его семьи, о чем было известно руководству школы и полиции. Последние принимали различные дисциплинарные меры, но не осуществляли уголовного преследования. В итоге преступник применил огнестрельное оружие, ранил Ахмета и застрелил его отца. Суд разработал вышеупомянутый тест и постановил в решении по этому делу, что в данном случае не было достаточных доказательств, на основании которых можно сделать вывод о том, что полиция знала или должна была знать о наличии реальной и непосредственной угрозе для жизни членов семьи Осман со стороны преступника.
7. «Осман» (№ 4), п. 116.
8. «Майорано и другие против Италии», заявление № 28634/06 (ЕСПЧ, 15 декабря 2009 г.).
9. «Сашо Горгиев против бывшей Югославской Республики Македония», заявление № 49382/06 (ЕСПЧ, 19 апреля 2012 г.).
10. «Горovenки и Бугара против Украины», заявление № 42418/05 (ЕСПЧ, 12 января 2012 г.).
11. «Махмут Кайя против Турции», заявление № 22535/93, (ЕСПЧ, 28 марта 2000 г.), п. 89.
12. «Блякай и другие против Хорватии», заявление № 74448/12 (ЕСПЧ, 18 сентября 2014 г.).
13. «Кайяк против Турции», заявление № 60444/08 (ЕСПЧ, 10 июля 2012 г.), пп. 56, 59, 66.
14. «Онерылдиз против Турции», заявление № 48939/99 (ЕСПЧ, 30 ноября 2004 г.), п. 100.
15. «Тальпис против Италии», заявление № 41237/14 (ЕСПЧ, 2 марта 2017 г.), п. 122.
16. «Володина против России», заявление № 41261/17 (ЕСПЧ, 9 июля 2019 г.), п. 92.
17. «Опуз против Турции», заявление № 33401/02 (решение ЕСПЧ от 9 июня 2009 г.), п. 111.
18. «Т.М и С.М против Республики Молдова», заявление № 26608/11 (ЕСПЧ, 28 января 2014 г.), пп. 46, 60.
19. Там же, п. 47.
20. «Тальпис», (№ 15), п. 129.
21. GREVIO (Группа экспертов по противодействию насилию в отношении женщин и домашнему насилию), «Вступление третьей стороны в судебное разбирательство – дело «Курт против Австрии» (2020) <<https://rm.coe.int/grevio-inf-2020-3-third-party-intervention-kurt-v-austria/pdfa/16809987e9>> дата обращения: 19 января 2021 г., п. 9.
22. Гайдукевич против Грузии, заявление № 38650/18 (ЕСПЧ, 15 июня 2023 г.) п. 67 с упоминанием Володиной (ссылка 16), п. 71.
23. Помимо прочего, «Дживек против Турции», заявление № 55354/11 (ЕСПЧ, 23 февраля 2016 г.); «Курт против Австрии», заявление № 62903/15 (ЕСПЧ, 4 июля 2019 г.); «Тхелидзе против Грузии», заявление № 33056/17 (ЕСПЧ, 8 июля 2021 г.); «Опуз» (ссылка 17).
24. Как свидетельствует практика самого суда: смотри, например, «Тальпис» (№ 15), п. 9; «Курт» (№ 23), п. 7; «Контрова против Словакии», заявление № 7510/04 (ЕСПЧ, 31 мая 2007 г.), п. 8; «Дживек» (№ 23), п. 12; «Халиме Килич против Турции», заявление № 63034/11 (ЕСПЧ, 28 июня 2016 г.), п. 7; «Валюльенэ против Литвы», заявление № 33234/07 (ЕСПЧ, 26 марта 2013 г.), п. 9; «М.Г. против Турции», заявление № 646/10 (ЕСПЧ, 22 марта 2016 г.), п. 7; «Е.М. против Румынии», заявление № 43994/05 (ЕСПЧ, 30 октября 2012 г.), п. 13; «D.P. против Литвы», заявление № 27920/08 (ЕСПЧ, 22 октября 2013 г.), п. 4.
25. «Опуз» (№ 17), п. 111.
26. Смотри: пп. 14–22 данного руководства.
27. Смотри: Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье («Стамбульская конвенция») [2011 г.] Сборник договоров Совета Европы, № 210, ст. 51; и п. 15 данного руководства.
28. Пояснительный доклад к Стамбульской конвенции, п. 260.
29. «Опуз» (№ 17), пп. 111, 134.
30. «Валюльенэ против Литвы» (№ 23), отдельное совпадающее мнение судьи Пинто де Альбукерке.
31. Тхелидзе (ссылка 23), п. 53; см. также А и В против Грузии, заявление № 73975/16 (ЕСПЧ, 10 февраля 2022), п. 47
32. «Кайя», пп. 88–101; «Килич против Турции», заявление № 22492/93 (ЕСПЧ, 28 марта 2000 г.), пункты 62–77; «Авшар против Турции», заявление № 25657/94 (ЕСПЧ, 10 июля 2001 г.), пп. 368–369, 411.
33. «Володина» (№ 16).
34. Смотрите дела приведенные/упомянутые в пункте 5 данного руководства
35. Смотрите GREVIO, «Вступление третьей стороны в судебное разбирательство в деле «Курт против Австрии» (№ 21), пп. 13–15, и, как свидетельствуется в делах «Тальпис» (№ 15), «Контрова» (№ 23), и «Курт» (№ 22). «Тальпис» (№ 15), п. 99: «В этой связи [суд] вновь заявляет, что дети и другие уязвимые лица – в эту категорию попадают жертвы домашнего насилия – в частности, имеют право на защиту со стороны государства в форме эффективного сдерживания от таких серьезных нарушений неприкосновенности личности».

36. Смотрите, например, значимость событий в юго-восточной Турции для оценки судом существования угрозы и вопрос информированности в деле «Килича» (№ 32).
37. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), «Общие рекомендации № 19» (1992 г.), п. 9; «А.Т. против Венгрии», коммуникация № 2/2003 (КЛДЖ, 26 января 2005 г.) п. 9.2; смотрите также Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин (принята резолюцией 48/104 Генеральной ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г.) ст. 4(с).
38. Межамериканская конвенция о предотвращении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него, «Конвенция Белен-ду-Пара» (принята 06 сентября 1994 г., вступила в силу 3 мая 1995 г.), ст.7; Межамериканский суд по правам человека, дело «Веласкеса Родригеса против Гондураса» (1998 г.), Сборник С № 4, п. 172; Межамериканская комиссия по правам человека, дело «Марии да Пенья против Бразилии» (2001 г.), доклад № 54/01, дело 12.051.
39. Совет ООН по правам человека, Доклад, представленный Специальным докладчиком по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, г-жой Радхой Кумарасвами (1996 г.), UN Doc E/CN.4/1997/47/Add.1.
40. Смотрите: Стамбульская конвенция (№ 26), ст.ст. 5, 18, 49-56.
41. В соответствии с требованиями статьи 51 Стамбульской конвенции; смотрите также: Управление ООН по наркотикам и преступности, «Руководство по эффективному прокурорскому реагированию на насилие в отношении женщин и девочек» (2014 г.) <https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Handbook_on_effective_prosecution_responses_to_violence_against_women_and_girls.pdf> обращение: 19 января 2021 г., стр. 53 (перечень вопросов для оценки риска смертельного исхода).
42. «Володина» (№ 16), п. 92; «Опуз» (№ 17), пп. 141-151; «Т.М. и С.М.» (№ 18), п. 46; Тальпис (№ 15), пп. 106, 129.
43. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35» (2017 г.) UN Doc CEDAW/C/GC/35 (КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35»), UNDOC A/HRC/31/57, п. 55
44. Совет ООН по правам человека, «Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания» (2016 г.) UN Doc A/HRC/31/57, п. 55.
45. «Мария да Пенья Майя» (№ 36), п. 56.
46. «Володина» (№ 16), п. 113; смотрите также: «Тальпис» (ссылка 15), пункт 117.
47. «Де Джорджи против Италии», Заявление №. 23735/19 (ЕСПЧ, 16 июня 2022), п. 89.
48. «Гайдукевич» (№.22), п. 62.
49. «Гайдукевич» (№.22), п. 71.
50. «Володина» (№ 16), п. 86; смотрите также «Бевакуа и С против Болгарии», заявление № 71127/01 (ЕСПЧ, 12 июня 2008 г.), п. 83; «Опуз» (№ 17), пп. 166-167; «Еремия» (№ 5), пп. 62-66; и «Б. против Республики Молдова», заявление № 61382/09 (ЕСПЧ, 16 июля 2013 г.), п. 53.
51. «Тальпис» (№ 15), п. 118.
52. Пояснительный доклад к Стамбульской конвенции (ссылка 27), п. 260: «Многие преступники угрожают своим жертвам опасным для жизни и здоровья насилием, включая смерть, и в прошлом подвергали своих жертв подобному насилию. Поэтому важно, чтобы при любой оценке риска и управлении рисками учитывалась вероятность повторного насилия, особенно опасного для жизни, и надлежащим образом оценивалась серьезность ситуации».
53. «Курт» (№ 22).
54. Эти принципы были кратко изложены в деле «У и другие против Болгарии», апелляция. № 9077/18, (ЕСПЧ, 5 сентября 2022 г.), п. 89; см. также «Гайдукевич» (п.22), п. 57.
55. «Курт», заявление. № 62903/15 (Большая палата ЕСПЧ, 15 июня 2021 г.), п. 165.
56. «Курт», (№ 55), п. 168.
57. Суд также установил, что власти не провели оценку риска летального исхода в деле Ланди против Италии, заявление № 10929/19 (ЕСПЧ, 7 апреля 2022 г.), дело о домашнем насилии в отношении женщины и убийстве ее годовалого сына.
58. «Курт», (№ 55), п. 177.
59. «У и другие» (№ 54), п. 89.
60. «У и другие» (№ 54), п. 101, со ссылкой на Курт (№ 55), п. 200.
61. «У и другие» (№ 54), п. 101.
62. «Тхелидзе» (№ 23), п. 54.
63. «М.С. против Болгарии», заявление № 39272/98 (ЕСПЧ, 4 декабря 2003 г.), п. 181
64. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35».
65. «Вертидо против Филиппин», Сообщение № 18/2008 (мнение КЛДЖ от 16 июля 2010 г.), UN Doc CEDAW/C/46/D/18/2008; «Р.Л.Б. против Филиппин», Сообщение No. 34/2011 (мнение КЛДЖ от 21 февраля 2014 г.) UN Doc. CEDAW/C/57/D/34/2011
66. Международный уголовный суд («МУС»), «Правила процедуры и доказывания» (2013 г.), правило 70; ст.ст. 7(2) и 8(2) Составов преступлений МУС; МУС, 'Составы преступлений' (2011 г.), ст. 7 (g)-1; МУС, «Прокурор против Жермен Катанги», ICC-01/04-01/07, решение о подтверждении обвинений, 26 сентября 2008 г., п. 440; МУС, «Прокурор против Жан-Пьера Бемба Гомбо», ICC-01/05-01/08- 3343, решение, 21 марта 2016 г., пп. 105-106.
67. Межамериканский суд по правам человека, дело «Фернандес Ортега и другие против Мексики» (2011 г.), Сборник С № 224.
68. «Прокурор против Жан-Поля Акаесу» (приговор), ICTR-96-4-T (2 сентября 1998 г.).
69. «Прокурор против Кунарач, Ковач и Вукович» (приговор), IT-96-23 & IT-96-23/1-A (12 июня 2002 г.).
70. Механизм по наблюдению за осуществлением Межамериканской конвенции о предотвращении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него (MESECVI), «Второй региональный доклад Комитета экспертов Механизма по наблюдению за осуществлением Конвенции Белен-ду-Пара» (апрель 2012 г.) <<https://www.oas.org/en/mesecvi/docs/mesecvi-segundoinformehemisferico-en.pdf>> обращение: 19 января 2021 г.; Декларация о насилии В отношении женщин, девочек и подростков, их прав на сексуальное и репродуктивное здоровье (19 сентября 2014 г.) OEA/ Ser.L/11.710 MESECVI/CEVI/DEC.4/14.
71. «М.С.» (№ 63), п. 181.
72. «Вертидо» (№ 65), п. 8.9 (b).
73. Там же, пп. 8.9, 8.5
74. КЛДЖ, «Общие рекомендации № 35», п. 33.
75. Платформа в составе семи независимых механизмов ООН и региональных механизмов по вопросу о насилии в отношении женщин и по правам женщин, «Отсутствие согласия должно стать всемирным стандартом в определении изнасилования» (2019 г.) <<https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25340&LangID=E>> обращение: 19 января 2021 г.
76. «Е.В. против Румынии», заявление № 49089/10 (ЕСПЧ, 19 марта 2019 г.), п. 58.
77. Там же, п. 60.
78. Там же, п. 63.
79. Гаагские принципы относительно сексуального насилия (2019 г.) <<https://4genderjustice.org/ftp-files/publications/The-Hague->

- Principles-on-Sexual-Violence.pdf> обращение: 19 января 2021 г.
80. Там же, часть 1, 2(b).
 81. Там же, часть 5, 1(g).
 82. Там же, п.5, 1(j).
 83. Там же, Приложение 1, ч. 1, сноска 16: «Согласие на соответствующую сексуальную активность также должно быть конкретным и постоянным. Таким образом, будет недостаточно, если лицо давало согласие на похожее поведение, если оно давало согласие на соответствующее поведение в предыдущем случае, если оно первоначально дало согласие, но позднее отозвало это согласие, или если характер сексуальной активности изменился без согласия».
 84. Стамбульская конвенция (№26), Ст. 46(a).
 85. КЛДЖ, «Расследование в отношении Кыргызстана, проводимое в соответствии со статьей 8 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (21.09.2018), документ ООН CEDAW/C/OP.8/KGZ/1, п. 92(b).
 86. КЛДЖ, «Заключительные замечания по шестому периодическому докладу Таджикистана» (09.11.2018), документ ООН CEDAW/C/TJK/CO/6, п. 26.
 87. КЛДЖ, «Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Беларуси» (18.11.2016), документ ООН CEDAW/C/BLR/CO/8, п. 23(a).
 88. КПЧ ООН «Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Латвии» (11 апреля 2014 г.) UN Doc CCPR/C/LVA/ CO/3, п. 9(a).
 89. КЛДЖ, «Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Литвы» (24.07.2014), документ ООН CEDAW/C/LTU/CO/5, п. 25(e).
 90. ГРЕВИО, «Базовый оценочный отчет: Черногория» (2018), pp. 179, 182.
 91. ГРЕВИО, «Базовый оценочный отчет: Албания» (2017), п. 135.
 92. Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел по улучшению положения женщин, «Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин» (2010) ST/ESA/32 («Пособие ООН для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин»), pp. 26, 27.
 93. Там же, раздел 3.4.3.1.
 94. Платформа независимых региональных экспертных механизмов и механизмов ООН по вопросам насилия в отношении женщин и прав женщин (№61).
 95. См. также «Олуз» (№17), pp. 138-139. Обновленные Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 65/228 (21.12.2010), документ ООН A/RES/65/228, ст. 15(b).
 96. Стамбульская конвенция (№27), ст. 55.
 97. См. Пояснительный доклад к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, п. 27.
 98. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», п. 44.
 99. «О.Г. против России», Сообщение №91/2015 (КЛДЖ, 06.11.2017), документ ООН CEDAW/C/68/D/91/2015, п. 7.7; см. также «X. и Y. против России», Сообщение 100/2016 (КЛДЖ, 16.07.2019), документ ООН CEDAW/C/73/D/100/2016.
 100. «О.Г.» (№99), п. 9.
 101. КЛДЖ, «Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации», документ ООН CEDAW/C/RUS/CO/8, п. 22.
 102. Комитет против пыток, «Заключительные замечания по шестому периодическому докладу Российской Федерации», документ ООН CAT/C/RUS/CO/6, pp. 30-31.
 103. Совет по правам человека ООН, «Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания» (2016), документ ООН A/HRC/31/57, п. 12.
 104. «Т.М. и С.М.» (№18), pp. 46, 60.
 105. «Олуз» (№17), pp. 138-139.
 106. «Володина» (№16), п. 84.
 107. «I.I. против Хорватии», заявление № 35898/16 (ЕСПЧ, 8 сентября 2022 г.), п. 94.
 108. Там же, п. 91.
 109. Там же, п. 97.
 110. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека с поправками) (ЕКПЧ). Ст. 14 предусматривает обеспечение «пользования правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции» без какой бы то ни было дискриминации. Таким образом, Европейский суд всегда рассматривает ст. 14 в сочетании с другим основным правом в соответствии с ЕКПЧ. Тем не менее, ст. 14 не зависит от существования нарушения этого другого права. Ст. 1 Протокола №12 расширяет сферу защиты от дискриминации и представляет собой самостоятельное право. Для получения дополнительной информации см. ЕСПЧ, «Руководство по статье 14 Европейской конвенции о правах человека и статье 1 Протокола №12 к Конвенции: запрещение дискриминации» (обновлено 31.08.2020) https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_14_Art_1_Protocol_12_ENG.pdf, дата обращения: 19.01.2021, стр. 6-10.
 111. «Даджен против Соединенного Королевства», жалоба №7525/76 (ЕСПЧ, 22.10.1981.), п. 49, «Шассань и другие против Франции», жалобы №№ 25088/94, 28331/95 и 28443/95 (ЕСПЧ, 29.04.1999), «Азиз против Кипра», жалоба №69949/01 (ЕСПЧ, 22.12.2004).
 112. «Олуз» (№ 17), п. 200; «Балсан против Румынии», жалоба № 49645/09 (ЕСПЧ, 23.05.2017), п. 88; См. также: КЛДЖ, «Общая рекомендация № 19», pp. 1, 6-7; КЛДЖ, «Общая рекомендация №28, касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (2010), документ ООН CEDAW/C/GC/28 (КЛДЖ, «Общая рекомендация №28») п. 19; КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», п. 1; «О.Г.» (№99), п. 7,3; Совет по правам человека ООН, «Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания» (2016), документ ООН A/HRC/31/57, п. 55; Стамбульская конвенция (№26), ст. 3(a); Пояснительный доклад к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, п. 1.
 113. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 19», п. 7.
 114. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», п. 2.
 115. См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, «Общая рекомендация № 35», pp. 16, 17; Совет по правам человека ООН, «Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания» (2016), документ ООН A/HRC/31/57, pp. 8, 11; Совет по правам человека ООН, «Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Манфреда Новака» (2008), документ ООН A/HRC/7/3, п. 36; Совет по правам человека, «Замечание общего порядка № 28 - Статья 3 (равноправие мужчин и женщин)» (2000), документ ООН CCPR/C/21/Rev.1/Add.10.
 116. «Володина» (№16), п. 111 (выделено автором).
 117. См., например, «Еремия» (№5), п. 89; «Мудрич против Республики

- Молдова», заявление № 74839/10 (ЕСПЧ, 16.07.2013), п. 63; «Балсан» (№112), п. 85.
118. «Олуз» (№17), п. 200 (выделено автором); «Балсан» (№112), п. 88; «Володина» (№16), п. 111.
119. См. также: КЛДЖ, «Общая рекомендация № 19», пп. 1, 6-7; КЛДЖ, «Общая рекомендация № 28», п. 19; КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», п. 1; «О.Г.» (№85), п. 7.3; Совет по правам человека ООН, «Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания» (2016), документ ООН А/НRC/31/57, п. 55; Стамбульская конвенция (№26), ст. 3(а); Пояснительный доклад к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, п. 1.
120. Стамбульская конвенция (№27), Преамбула.
121. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», п. 19.
122. Совет по правам человека ООН «Доклад Специального Докладчика о бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания» (2016), документ ООН А/НRC/31/57, п. 6.
123. См. «Туникова и другие против России», заявление NN^o 55974/16, 53118/17, 27484/18 28011/19 (ЕСПЧ, 14 марта 2022 г.), п. 78 и дела, на которые в нем имеются ссылки.
124. См. например, «Тхелидзе» (№ 23), п. 47.
125. Сопоставьте два решения, вынесенные в 2016 году в отношении одно и того же государства: «Сивек» (№23) и «Халиме Килич» (№24).
126. «Тхелидзе» (№ 23), пп. 54, 56 и 60.
127. «А и Б» (№ 31), пункт 39.
128. «А и Б» (№ 31), пункт 45.
129. «Гайдукевич» (№ 22), п. 66.
130. «Туникова и другие» (№ 123), п. 129.
131. См. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», пп. 11, 2.
132. «Х.Х., И.Х. и Ю.Х. против Грузии2 (Ханум Джейранова, покойная жертва) Коммуникация № 140/2019 (КЛДЖ 25 октября 2021 г.) UN Doc. CEDAW/C/80/D/140/2019.
133. См. также «Володина» (№16), п. 92 и «Еремия» (№5), п. 51
134. «Туникова и другие» (№ 123), п. 76.
135. «Ангелова и Илиев против Болгарии», заявление №55523/00 (ЕСПЧ, 26.07.2007), п. 98; См. также: «Вирибян против Армении», заявление №40094/05 (ЕСПЧ, 02.10.2012), п. 218.
136. «Гайдукевич» (№ 22), п. 58.
137. Межамериканский суд по правам человека, «Гонсалес и др. («Хлопковое поле») против Мексики» (2009), Серия С, №205, п. 293.
138. «Фернандес Ортега и др.» (№5), п. 193.
139. «Еремия» (№5), п. 51.
140. «Вертидо» (№65), п. 8.4; См. также КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», п. 26(с).
141. «Таллис» (№15), п. 141; «Еремия» (№5), п. 89.
142. «Тхелидзе» (№ 23), п. 57. См. также «Гайдукевич» (№ 22), п. 74.
143. «Тхелидзе» (№ 23), п. 56.
144. «Гайдукевич» (№ 22), п. 62.
145. «Гайдукевич» (№ 22), п. 64, см. также «Тхелидзе» (№ 23), п. 60; и А и Б (№ 31), пункт 44.
146. Комитет против пыток, «Замечание общего порядка № 3: Применение статьи 14 государствами-участниками» (2012), документ ООН CAT/C/GC/3, п. 33.
147. Там же, п. 194.
148. См., например, «Володина» (№16), пп. 97-98.
149. См. Там же, п. 95.
150. См. также: Стамбульская конвенция (№26), ст. 54; Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин (№92), раздел 3.9.7.2, пп. 43-44.
151. КЛДЖ, «Общая рекомендация №19». Об инвалидности, см: «Р. Л. Б.» (№65); «Л. Р. против Республики Молдова», Сообщение №58/2013 (КЛДЖ, 28.02.2017), документ ООН CEDAW/C/66/D/58/2013; «Е.Б.» (№76); Конвенция о правах инвалидов (принята 13.12.2006, вступила в силу 03.05.2008), Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/61/106 (КПИ) ст. 12; Комитет по правам инвалидов, «Замечание общего порядка №6 о равенстве и недискриминации» (2018), документ ООН CRPD/C/GC/6. По вопросам детей см.: Конвенция о правах ребенка (принята 20.11.1989 г., вступила в силу 02.09.1990), Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/44/25; КПР, «Замечание общего порядка №12 о праве ребенка быть заслушанным» (2012), документ ООН CRC/C/GC/12; «М.Г.С. против Румынии», жалоба №61495/11 (ЕСПЧ, 15.03.2016); «М.К.» (№63); «И.С. против Румынии», жалоба №36934/08 (ЕСПЧ, 24.05.2016).
152. Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин (№92), раздел 3.9.6, п. 42.
153. Там же, раздел 3.9.7.1, п. 43.
154. См. КЛДЖ, «Замечание общего порядка №35», п. 19.
155. См. КЛДЖ, «Общая рекомендация №» 35, пп. 29 (с)(ii), 32(b).
156. Совет по правам человека ООН, «Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания» (2017), документ ООН А/НRC/35/30, п. 98.
157. Там же, п. 106.
158. КЛДЖ, «Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации», документ докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, ООН CEDAW/C/RUS/CO/8, п. 22.
159. КПК, «Замечание общего порядка № 3: Осуществление статьи 14 государствами-участниками» (2012), документ ООН CAT/C/GC/3, п. 34.
160. См. «Курт» (№ 55), п. 172; «У и другие» (№ 54), п. 105; «Тхелидзе» (№ 23), п. 60.
161. См. «Курт» (№ 55), п. 180; У и другие (№ 54), п. 109.
162. КЛДЖ, «Общая рекомендация № 35», п. 26(с).
163. Европейский институт гендерного равенства (EIGE), «Оценка и управление рисками насилия со стороны интимного партнера в ЕС» (ноябрь 2019 г.) < <https://eige.europa.eu/publications/risk-assessment-and-management-intimate-partner-abuse-eu> >, дата обращения: 19.01.2021.
164. Там же, раздел 2.4.1.1.
165. «Володина» (№16). См. также: УНП ООН, «Справочник по эффективным мерам реагирования полиции на насилие в отношении женщин» (2010) <https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Handbook_on_Effective_police_responses_to_violence_against_women_English.pdf>, дата обращения: 19.01.2021.
166. «Константин Маркин против России», заявление №30078/06 (ЕСПЧ, 22.03.2012), пп. 142-143.
167. КЛДЖ, «Общая рекомендация №35», п. 35(b).
168. КЛДЖ, «Общая рекомендация №65», п. 35(b).
169. Там же, п. 8,5; См. также ГРЕВИО, «Вмешательство третьих сторон в дело «Курт против Австрии» (№21), пп. 10-11.
170. Департамент защиты детей, правительство Западной Австралии,

«Информационный бюллетень №3: Характеристики преступников» (2013) <<https://www.dcp.wa.gov.au/CrisisAndEmergency/FDV/Documents/2015/FactSheet3Perpetratorcharacteristics.pdf>>, дата обращения: 19.01.2021, стр. 1, 3.

171. «*J.L. против Италии*», заявление № 5671/16 (ЕСПЧ, 27 августа 2021 г.), п. 141.
172. «*J.L.*» (№ 171), п. 140.
173. «*J.L.*» (№ 171), пп. 138-139.
174. «*A.F. против Италии*», Коммуникация № 148/2019 ("КЛДЖ" 20 июня 2022 г.) UN Doc. CEDAW/C/82/D/148/2019, в 7.16 и 7.15 соответственно.
175. Там же 7.19.
176. «*X.X., И.Х. и Ю.Х. против Грузии*» (Джейранова) (№ 132).
177. «*X.X., И.Х. и Ю.Х. против Грузии*» (Джейранова) (№ 132) в 7.6.
178. Согласно утверждениям судей Пинто де Альбукерке и Дедова, указанным в их особом мнении по делу «*Володина*» (№16), пп. 13-20. См. также «*Гонсалес и др.*» (№110), п. 450; Совет по правам человека ООН, «Доклад Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях Рашиды Манжу» (2013), документ ООН A/HRC/23/49, п. 75.

Мидлсекский университет

The Burroughs Hendon

NW4 4BT

Тел.: +44 208 411 2826

www.ehrac.org.uk

ehrac@mdx.ac.uk

Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) создан при Мидлсекском университете. Университет является благотворительной организацией, освобожденной от налогообложения согласно Закону о благотворительной деятельности 1960 года.

Публикация подготовлена с помощью Министерства иностранных дел Литовской Республики. Содержание данной публикации является исключительно предметом ответственности EHRAC и никоим образом не отражает точку зрения МИД Литовской Республики.

Фото на обложке: Ира Абрамова

